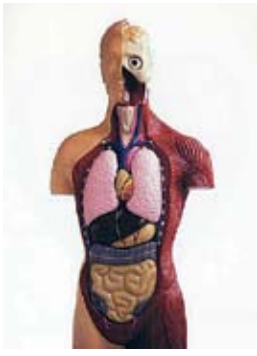
DAMIEN HIRST

«Парящий череп», 2006

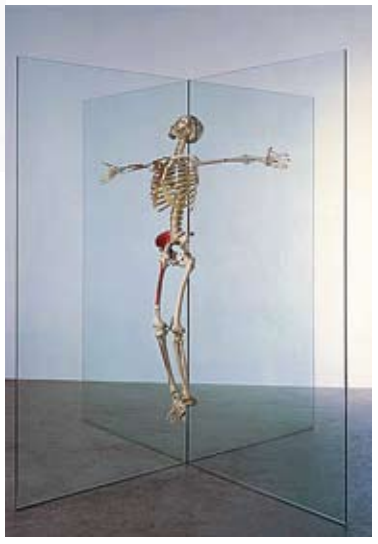
REUTERS

«Ибо это есть любовь к Богу», 2007

«Гимн», 1999



«Весенняя колыбельная», 2002



«Воскрешение», 1998–2003

Рыночные успехи Херста тоже не дают покоя разоблачителям. Будто бы таинственный консорциум, купивший бриллиантовый череп себестоимостью $20 млн за $100 млн, состоял из самого художника и его нынешнего галериста Джея Джоплина, владельца White Cube. А на легендарном аукционе якобы распродали все неликвиды, хранившиеся в запасниках той же White Cube и Gagosian Gallery. Среди теперешних ценителей творчества Херста преобладают, по слухам, нефтяные шейхи из Эмиратов и Катара, а также новые русские и украинские, и то, что крупнейшая херстовская ретроспектива открывается в Центре Пинчука, косвенное тому доказательство. Словом, все в один голос твердят, что Дэмиен Херст — это пиар-агентство и фабрика из чуть ли не 200 человек по производству... Не искусства, конечно, а информационного шума и главным образом денег.

Между тем деньги занимают в художественном проекте Дэмиена Херста примерно такое же место, как слава в проекте Энди Уорхола. Можно сказать, что это два самых ярких примера врастания эстетики в жизнь художника. Категория славы была столь важна в искусстве Уорхола, что он и сам превратился в поп-звезду, которую знал в лицо и по имени любой техасский ковбой. Ну а Херст так погрузился в глубины барочного жанра vanitas («суета сует»), где деньги неизменно символизировали тщету всего земного, что сделался миллионером.

Хорошо известный по живописи и скульптуре барокко образ торжествующей смерти незримо присутствует на заднем плане всех работ Дэмиена Херста. Начиная с «аптечных» инсталляций, где на полочках в шкафчиках были выставлены всевозможные пузырьки и склянки. Медицина стала в нашем атеистическом мире новой религией, а таблетка — это что-то вроде облатки, причастия, последней надежды на спасение, пояснял художник смысл своих «фармацевтических» симфоний. Из небольших поначалу аптечных шкафчиков, похожих на переносные алтари, стали складываться целые капеллы. «Pharmacy», самая грандиозная из них, напоминающая кабинет алхимика, хранится теперь в Tate, а одноименный херстовский ресторан в Ноттинг-Хилле, созданный по ее мотивам, закрылся лет пять назад — дизайн интерьера пошел с молотка на Sotheby's. «Точечные» картины в россыпях разноцветных кружочков, изображающих таблетки всех мастей — от врачующего тело аспирина до врачующего душу ЛСД, из той же оперы.

Ни один из элементов жанра vanitas не обойден вниманием в этом макабрическом творчестве. Черепа, скелеты, анатомические муляжи, вырастающие до размеров одиннадцатиметровой бронзовой «Девы-Матери», установленной перед Королевской академией в Лондоне. Мухи, барочная эмблема тления, толстым слоем намазываются на холсты, которые издали можно принять за черные картины какого-нибудь минималиста. Бабочки, христианский символ человеческой души, складываются в нарядные абстракции. Причем мухам, отдавшим жизнь ради искусства, вроде бы даровано бессмертие, тогда как мертвые бабочки всем своим видом идею бессмертия оспаривают. Херстовская занимательная зоология — о том же, и пресловутая акула в формальдегиде демонстрирует, как явствует из названия, «Физическую невозможность смерти в сознании живущего». В инсталляциях с расчлененной и законсервированной фауной из цикла «Естественная история» позитивистский дух естественно-научных музеев, в обустройстве которых родина Чарльза Дарвина не знала равных, словно бы разбивается о назидательный пессимизм кунсткамеры. Кстати, самые первые аквариумы Херста были заполнены не формальдегидом с коровами, а офисными столами и креслами. Так что параллель между юнцами, пускающими мыльные пузыри, которых мастера XVII века живописали в своих нравоучительных притчах о суетности земного бытия, и офисными служащими напрашивается сама собой.

Апогеем этого необарокко как раз и стал бриллиантовый череп, названный, как и многие херстовские произведения, полные евангельских мотивов, словами из Нового Завета «Ибо это есть любовь к Богу». Платиновая отливка, 8601 бриллиант и настоящие человеческие зубы (с того черепа, что послужил моделью) — это издевательское сочетание материалов дает весьма определенный ответ на гамлетовский вопрос: не быть, поскольку лекарства против небытия никто пока не придумал. Художник прошлых времен сказал бы, что обретет бессмертие в своем искусстве. Но если верить Дэмиену Херсту, бессмертия нет, а в искусстве можно обрести другие, вполне материальные ценности.

Киев, Pinchuk Art Centre, с 25 апреля

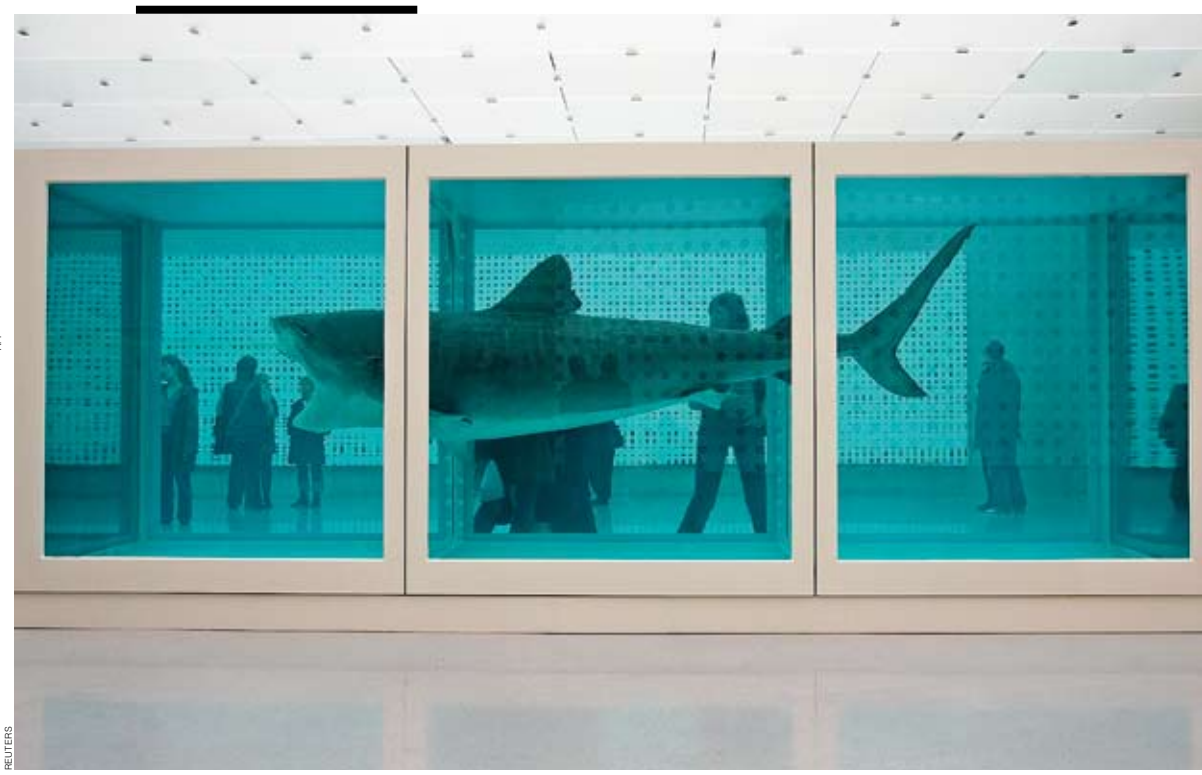
«Золотой телец», 2008

AFP

«Любовный парадокс», 2007

REUTERS

«Физическая невозможность смерти в сознании живущего», 1991


REUTERS